

Харлан Эллисон

**Все пташки возвращаются
на насест**



Харлан Эллисон
Все пташки
возвращаются на насест

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156711

Аннотация

История жизни Майкла Кирксби, история его взаимоотношений с женщинами, которые прошли через его жизнь за девятнадцать лет. И вот, странным образом, они все начинают возвращаться к нему. Последовательно, в обратном порядке.

Пока очередь не подойдёт к той первой, с которой всё начиналось...

Харлан Эллисон

Все пташки возвращаются на насест

Стараясь не коснуться влажного пятна, он перевернулся на левый бок, подпер ладонью щеку, выдавил из себя улыбку и приготовился рассказать всю правду о том, почему он трижды женился и трижды разводился.

– Трижды! – Ее глаза распахнулись во всю ширь, меж бровей пролегла знакомая складка изумления. – Трижды! Господи Боже, мы с тобой столько времени уже вместе, а я ни сном ни духом! Надо же!

Растянутые в хмурой улыбке губы Майкла Кирксби чуть-чуть поджались.

– Ты ни разу не спрашивала, вот я и не говорил. Я о многом стараюсь помалкивать. В средней школе я срезался на экзамене по французскому, пришлось работать и ходить в летнюю школу, поэтому аттестат я получил на семестр позже остальных. Где я только не вкалывал, даже в тошниловке на колесах – «ресторане быстрого питания» в Нью-Джерси, возле Тернпайка. Раз десять цеплял трипак и дважды обзаводился вшами.

– О-о-о! Хватит! – Она зарылась лицом в подушку. Майкл опустил ладонь на ее густые ореховые волосы, провел по за-

тылку и шее, помассировал седьмой позвонок. Лицо вынырнуло из убежища.

Потом он оперся на локоть и решил выложить все как есть.

Он никогда не лгал – овчинка не стоила выделки. Но история была не из коротких, он излагал ее миллион раз и научился с легкостью профессионального рассказчика вмещать целые эпизоды в апокрифические сентенции и ловко перепрыгивать через второстепенные события. Однако все равно понадобится добрая четверть часа. За меньший срок он просто не успеет сделать все как надо, добиться нужной реакции. По правде говоря, ему осточертело цитировать самого себя, но иногда от этого занятия бывал прок. И сейчас, на его взгляд, был именно такой случай.

– Первый раз я женился лет в двадцать, может, в двадцать один, – с датами я не в ладах. Она еще девушкой была маленько того, еще до встречи со мной. Семейные прибабахи: ненавидела мать, любила отца. Он здоровенный был и собой недурен – дембельнулся из морской пехоты. Так вот, она тайком мечтала поразвлечься со стариканом, да только духу не хватало предложить. А потом он загнулся от рака мозга, но перед тем взялся туркать благоверную, как последнюю кашку. Не скажу, что мамаша того не заслуживала – ведьма была, каких поискать, сущая мегера. Но он перегибал палку: домой по ночам не являлся, колотил отчаянно и все такое. Так что моя супруга переметнулась на мамину сторону. А

когда выяснилось, что папаше рак все мозги сожрал, у нее совсем крыша поехала. И тут она взялась за меня! Когда я с нею развелся, мамаша уpekла ее в психушку, она там уже восемнадцатый год. По мне, так этого мало. Мало, ей-богу! Ведь она и меня чуть не затащила в дурдом. Слава Богу, я вовремя сорвался. Еще бы немного, и мы бы с тобой тут не разговаривали.

Он следил за выражением ее лица. Марта напряженно внимала. Душещипательная история. Сердце кровью обливается. Дамочки до этого страсть как охочи. Хлебом их не корми, дай вонзить симпатичные зубки во что-нибудь розовое, волокнистое.

Майкл сел, протянул руку и включил настольную лампу.

Его взгляд остановился на спинке кровати; казалось, из памяти выплывает мучительное прошлое. Свет падал справа и обрисовывал профиль, подбородок Дика Трэйси и глубоко посаженные карие глаза. Стрижку он себе сделал сам; получилось хуже некуда, волосы торчали над ушами, как будто он только что проснулся. На его счастье, волосы вились, и вдобавок он действительно находился в постели. Он знал: свет падает как надо, и профиль – самое то. Особенно для такой истории.

– Хреново мне тогда было – не передать. Чуть не спятил, ей-богу. Она меня точно сглазила – все из рук валилось.

Даже вспомнить страшно, честное слово.

Обнаженная Марта неотрывно глядела на него.

– Майк... А как ее звали?

Он судорожно сглотнул. Столько лет прошло с тех пор, как все кончилось, а боль и страх по-прежнему чернеют и кровоточат в памяти, будто свежее тавро.

– Синди.

– И что же она такого сделала, что тебе вспомнить страшно?

Он задумался. На секунду. Необычный вопрос. Как правило, у него не выспрашивали подробностей. И, пробежав вспять сквозь воспоминания, он обнаружил, что большинство из них размылось и слилось в огромное пятно унижения. Но иные эпизоды он помнил, – они были исполнены такой мерзости, что съеденный ужин двинулся из желудка к горлу. Но они были частями целого, обрывками долгого-долгого кошмара, и вылуцивать их, выставляя напоказ микрокосмом орущего ада – все равно что рассказывать фенечку, которая с тобой приключилась вчера. Неужели не смешно? Эх, жаль, тебя там не было.

Что она такого сделала? Много чего, не считая бесчисленных попыток наложить на себя руки. Не считая вечных придинок – просто так, лишь бы сбить с толку, вывести из себя. Не считая того утра, когда он на день раньше вернулся с десятидневной практики и застал ее в постели с тощим хмырем из соседней квартиры. Не считая уходов из дому с продажей мебели за бесценок и снятием всех денег с банковского счета. Да, что она такого сделала, черт бы ее побрал?!

Майкл не мог сказать этого вслух. Он катапультировался через четыре года после свадьбы. Один рывок, и все позади.

– Я учился на адвоката, надо было сдавать экзамены. Я правда здорово учился, а ведь мне это куда потруднее давалось, чем остальным. И тут она возьми да обзаведись привычкой бухтеть.

– Бухтеть?

– Ага. Ходит по дому и бормочет под нос. Что-нибудь гаденькое насчет меня. Но так, чтобы я едва слышал. А я зубрю. Пытаюсь сосредоточиться. А она бухтит. Видит, что я зверею, и все равно... Ну, в конце концов... как раз перед экзаменом...

Он вспомнил! Он вспомнил тот проклятый бесконечный бухтеж в гостиной, спальне, ванной...

– ...Но в кухню, где я зубрил, она не заходила. Бродит по квартире и бухтит, бухтит, бухтит...

Его трясло. Господи, ну зачем она спросила?! В тексте этого не было!

– ...Так вот, в конце концов я просто встал и заорал: «Сука, тварь, чего ты бухтишь?! Чего ты до меня доебалась? Не видишь, я жопу сточил, зубривши? Чего не заткнешь свою пасть хоть на пять долбаных минут?!

Он повторил слово в слово, почти с фонографической точностью. Столько лет прошло, а не забылось ничего.

– Так вот, вбегаю я в спальню, а она в купальном халате и тапках. И ну вопить, что я подонок, жизнь ей поломал и все

такое... Короче, не стерпел я и врезал ей по роже. Крепко врезал, как в уличной драке. Изо всех сил. Дальше – провал в памяти. Потом... сижу я на ней верхом, в руке почему-то ее тапка, и этой тапкой я ее луплю по морде... Тут я очухиваюсь и вижу, как она смотрит, как я ее луплю... А ведь я до этого ни разу женщин не бил... Короче, свалился я с нее и пополз на карачках в угол, и сидел там после, как ошпаренная шавка... хныкал... Перепугался до смерти...

Марта смотрела на него и молчала. Его жутко трясло.

– Господи! – тихо вымолвила она.

Они помолчали еще. Он ответил на вопрос. Сказал больше, чем ей хотелось узнать.

Настроение было испорчено. Майкла будто надвое расколото: одна часть лежит в полумраке этой спальни рядом с нагой Мартой, другая – далеко отсюда сидит на корточках в углу, прячет лицо в ладонях и скулит, как искалеченный пес, и боится взглянуть на Синди, а у той ноги съехали с кровати, и лице распухшее, в крови. Он изо всех сил пытался взять себя в руки.

Через несколько долгих минут Майкл задышал ровнее.

Марта все еще смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Господи, спасибо тебе за Марси, – произнес он чуть ли не благоговейно.

Она выждала и спросила:

– Марси? Кто она тебе?

– Кем она была, – поправил он. – Я ее уже лет пятнадцать не видел.

– Ладно, кем она тебе была?

– Женщиной, которая вывела меня из угла и открыла мне глаза. Если б не она, так бы и ползал на мослах... всю жизнь.

– И где же она теперь?

– Кто знает? Ты сама могла понять после нашего недавнего разрыва, что хорошие женщины возле меня почему-то не задерживаются.

– О, Майк!

– А, не бери в голову. Ты правильно сделала, что ушла. Я тебя понимаю. У меня, наверное, судьба такая – бобылем помереть. Уже три раза пробовал – неважнецкий из меня муж. В браке я гожусь только на короткие дистанции, а для марфона дышалка слабовата.

Она изобразила улыбку, пытаясь облегчить то, что приняла за боль. Боли не было, но по его лицу разве поймешь? Ей ни разу не удалось проникнуть за его фасад, и это послужило одной из причин их размолвки.

– Но ведь у нас все было нормально.

– Поначалу.

– Да, поначалу. – Марта протянула над ним руку к ночному столику и взяла тяжелый бокал «Оррефорс» с недопитым рислингом «Мендосино Грэй». – Странно, что мы вообще с тобой встретились на той вечеринке у Эллисона. Мне сказали, что ты искал модель или актрису... или кого-нибудь в

этом роде.

Он помотал головой:

– Не-а. Я искал тебя. Ты – моя последняя и самая большая любовь.

Она смачно рокотнула горлом, будто рыгнула:

– Дерьмо собачье.

Они умолкли и полежали, не шевелясь. Лишь один раз он коснулся ее бедра и почувствовал нервное содрогание плоти, а она опустила ладонь ему на грудь – ощутить, как он дышит. Любовью они больше не занимались, просто лежали целую космическую вечность и слушали – или думали, что слышат, – как в комнате садятся пылинки. Потом она сказала:

– Ладно, мне пора домой, кошек кормить.

– Может, заночуешь?

– Нет, Майк, – ответила она, помедлив секунду. – Может, в другой раз. Ты же знаешь, у меня бзик: не могу надевать поутру вчерашние тряпки.

Он об этом знал. И улыбнулся.

Марта слезла с кровати и стала одеваться. Он любовался ее телом – в сиянии настольной лампы казалось, будто оно выточено из слоновой кости. Без толку. Разве он с самого начала об этом не знал? Знал: без толку. И все равно ошупывал ее взглядом. Машинально. Хотел оторваться – и не мог. Будто картофельные чипсы жевал.

Она вернулась к кровати, нагнулась и поцеловала его. Лег-

кое, ничего не значащее прикосновение губ.

– Пока. Звони.

– Вот уж в чем можешь не сомневаться... – сказал он, сомневаясь.

Она ушла.

Майкл немного посидел на кровати, поразмыслил. До чего же все-таки странные существа эти люди... Что за дурная привычка сдирать струпья? Что за дурная...

Он собирался прожить с ней от силы месяц. Так оно и вышло. Они расстались без особой на то причины. Вернее, по одной причине: месяц истек. И вот – сегодняшняя вечеринка, где он был один и она была одна. И в самом разгаре они ушли вместе.

...привычка возвращаться? Туда, где обоим было не так уж и здорово?

Он знал, что больше никогда не увидит Марту.

На поверхности вздулся пузырь тоски и немедленно лопнул; в воздухе разлился запах утраты и тут же исчез. Майкл выключил свет, перекатился через пятно (уже подсохшее) и уснул.

Он просматривал листы с кратким изложением дела и диктовал коллеге вопросы. Приотворилась дверь, секретарша просунула голову и сказала, что его ждет посетитель. Он протер глаза и глянул на часы: «Надо же! Три часа кряду!» Откинулся на спинку кресла, сгреб бумаги в папку.

– Ну что, перерывчик на ленч?

Второй адвокат потянулся, хрустнул суставами.

– Давай. Встречаемся в четыре, мне еще в «Найнсаузенд Билдинг» надо съездить, забрать вклад Барбаросси.

Кирксби тяжело вздохнул и обмяк в кресле. Ему вдруг стало не по себе, как будто нечто темное и грозное нависло над его личным Вифлеемом. Потом он встал и прошел в свой кабинет. К посетителю.

Она сидела наискосок в большом кожаном кресле и улыбалась.

– Джерри! – воскликнул он обрадованно и удивленно. Радость и удивление – вот его первая реакция. – Бог ты мой! Сколько лет?..

Она улыбалась, чуть приподняв краешек рта. Он вспомнил: это ее веселая улыбка.

– Шесть месяцев. А что, показалось дольше?

Он ухмыльнулся и пожал плечами. Они сошлись два с лишним года назад. А потом он от нее ушел. К Марте. С которой прожил месяц.

– Когда наслаждаешься жизнью, время летит быстро. – Она заложила ногу за ногу, давая понять этим жестом, что его распутство достойно самого сурового осуждения.

Он обошел вокруг стола и опустился в кресло.

– Джерри, не будь такой жестокой.

Еще одно возвращение. Сначала Марта – как гром с ясного неба, теперь Джерри... как чертик из коробки, да?

– Почему вас всех так и тянет в мои сети? – Он попытал-

ся смотреть Джерри в глаза, но ей такие штучки удавались лучше. Он почувствовал себя виноватым.

– Наверное, я бы могла тебе подкинуть кое-какие впечатляющие факты для многомиллионной тяжбы против одного из моих конкурентов, – сказала она, – но на самом деле мне очень захотелось тебя повидать.

Чтобы выиграть несколько секунд, он выдвинул и задвинул верхний ящик.

– Но зачем, Джерри? Зачем? Господи, да неужели мало на свете такого добра? Разве нельзя найти свежий источник, не забредая черт-те куда? – Майкл произнес это ласковым тоном, потому что этой женщине он говорил «я тебя люблю» два года, не считая последних семи месяцев, а семь месяцев назад он сказал «сваливай», но так и не понял, что это слово было всего лишь окончанием фразы.

Он предложил угостить ее ленчем, а потом они решили отметить встречу, и после ужина он привел ее к себе, и еще два-три бокала сделали их такими нетерпеливыми, что кровать осталась нетронутой; полураздетые, они накинулись друг на дружку прямо на ковре в гостиной. За ним водилась привычка молчать, когда он занимался любовью и когда просто трахался; вспомнив об этом, она не издала ни звука. Все прошло не лучше и не хуже, чем бывало в те два года. А через час она проснулась, и увидела на себе одну юбку, и увидела рядом на ковре Майкла – он спал как младенец, подложив ладонь под щеку. Она глубоко вздохнула, зажмурилась

и приказала похмелью отвалить и не лезть к ней, пока она не встанет. И встала, и накрыла Майкла маленьким фирменным пледом, который он умыкнул из самолета бостонского рейса «Америкэн Эрлайнз», и ушла. Ушла без любви и без ненависти. Просто утолила жгучее желание еще раз его увидеть, еще раз ощутить его тело. И хватит об этом.

На следующее утро он перевернулся на спину, сообразил, что лежит на полу, но глаз не открыл. Он понял, что больше никогда ее не увидит. И хватит об этом.

Через два дня ему позвонила Анита. С ней он переспал всего два раза, и случилось это два с половиной года назад, в аккурат перед тем, как познакомиться с Джерри. Анита сказала, что часто о нем вспоминала. Сказала, что чистила записную книжку, наткнулась на его номер и решила звякнуть.

Просто так. Узнать, как дела. Они договорились вместе поужинать. Вечером они позанимались сексом, и вскоре она ушла. И он знал, что больше никогда ее не увидит.

Днем позже, обедая в «Оазисе», Майкл заметил в дальнем углу Коринну. С ней он прожил год перед тем, как встретил Аниту. Коринна прошла через зал, поцеловала его сзади в шею и сказала: «Ты похудел. Думаю, ужин в моем обществе тебе не повредит».

И они поужинали вместе, и так далее, и тому подобное, и он сказал, и она сказала, и осталась на ночь, а утром ушла, выпив с ним кофе. Ушла навсегда.

В то утро его охватило беспокойство. Происходило что-

то странное.

Весь следующий месяц Майкл встречал их в обратном хронологическом порядке. Как по волшебству, перед ним возникали женщины, с которыми он когда-то делил постель. До Коринны у него была целая вереница подружек на одну ночь, максимум – на уик-энд. Ханна, Нэнси, Робин, Сильвия, Элизабет, Пенни, Марджи, Герта, Эйлин, Гэйл, Холли и Кэтлин возвращались к нему друг за другом, как домохозяйки возвращаются на кухню за последней ложкой овсяной каши. Приходили, чтобы тут же снова исчезнуть, на этот раз – навсегда...

...оставляя ему булабочные уколы ярких разрозненных воспоминаний. Все они были несовершенны, и все же каждая была женщиной до мозга костей: Ханна, которая не могла в постели без сальных словечек; Нэнси, которая сдавливала ногами его плечи; Робин с мокрыми полотенцами; Сильвия, которая никогда не кончала – вероятно, не могла кончать; Элизабет – с такой узкой шелкой, что у него потом несколько дней болел конец; Пенни, для которой до и после надо было заказывать копченые ребрышки; Марджи с родинкой в форме паука на внутренней стороне бедра; Герта, через секунду после засыпающая мертвым сном; Эйлин, смеявшаяся, как ветерок; Гэйл, неожиданно из агнца превратившаяся в разъяренную волчицу, когда у него не встал; Холли, снова и снова напоминавшая ему случаи, когда у них выходил шикарный секс; Кэтлин, которая постоянно жеманничала и

которую пришлось уламывать даже на этот раз.

Последний укол в память. Последняя яркая вспышка. И все. Она уходит навсегда, и хватит об этом.

Но к концу того месяца недоумение переросло в жуткую убежденность: цепочка невероятных совпадений безудержно влечет его к неизбежному завершению. К какому завершению? Об этом даже помыслить было страшно. Всякий раз, когда он пытался логическим путем добраться до финиша, разум в последний момент с визгом сворачивал и уносился прочь. Страх сгустился в ужас; ужас распухал с каждой новой встречей, и Кирксби сбежал из города, надеясь добровольным изгнанием разорвать цепочку.

Но и тут, в вермонтском городке Стоу, сидя у очага в «Круглом Очаге», он увидел Соню, которую не видел уже много лет. И самое главное: была ее очередь. Соня спустилась с гор и заметила его, и даже холодом и ветром нельзя было оправдать ее смертельную бледность.

Они провели вместе ночь. Соня уткнулась лицом в подушку, и он не слышал рыданий. Она солгала мужу, чтобы уйти из номера, и на следующее утро они уехали. Кирксби даже не удалось с ней попрощаться.

Но Соня вернулась! И это означало, что следующей будет Грэтхен!..

Майкл с ужасом ждал, но она все не появлялась, и тогда он подумал, что, оставшись в Вермонте, превратится в неподвижную мишень. Он позвонил в офис, сказал, что улетает

на Багамы, пускай его делами займутся партнеры, а он через недельку-другую вернется, и не надо ни о чем спрашивать!

А Грэтхен работала там в магазине сувениров, в секции плетеных изделий. Едва он отворил дверь, она его углядела и воскликнула:

– Майкл! Господи, я же тебя всю неделю вспоминала!
Хотела уже звонить...

Она изумленно вскрикнула – Кирксби как подкошенный рухнул ничком на пирамиду тростниково-холщовых корзин.

В номере царили тишина и мрак. Телефон был выключен. «Гастрономические деликатесы» получили строжайшую инструкцию: разносчик должен явиться с условным стуком, иначе его не пустят.

Кирксби спрятался. Его изводил страх. Невозможно было спокойно относиться к тому, что с ним творилось.

Все пташки возвращались на насест.

Приходили все женщины, которые были у него за эти девятнадцать лет. Все, кого он любил, или просто трахал, или пытался трахнуть. Приходили в обратном порядке. Началось с Марты; после нее у него не было новых подруг. Как будто маятник, дойдя до предела, замер и тут же устремился назад, мимо Джерри и Аниты, назад, мимо Коринны и Ханны, назад, мимо Робин и других, назад, мимо Грэтхен, за которой всего три женщины до...

Об этом он не хотел думать.

Не мог. Это было слишком страшно.

Раздался стук в дверь. Особый, условный, известный только ему, разносчику и...

Он добрался ощупью до входа и снял цепочку. Отворил дверь и протянул руку, чтобы забрать у маленького пуэрториканца коробку с едой. А за мальчишкой стояла Кейт. Двенадцать лет спустя она мало чем походила на уличную сорвиголову; теперь она держалась спокойно, солидно. И все-таки это была Кейт.

Он заплакал. Привалился к двери и всхлипывал, пряча лицо в ладонях. Ему было стыдно. А главное, ему было страшно.

Она дала разносчику чаевые, взяла коробку, бочком вошла в номер и ласково потянула за собой Кирксби. Затворила дверь, включила свет и усадила его на диван. Потом, выложив из коробки съестное, скинула туфли и забралась с ногами на противоположный край дивана. И долго не произносила ни слова.

Наконец он задышал ровнее, и Кейт спросила:

– Майкл, в чем дело, черт побери? Расскажи.

Он не хотел рассказывать. Боялся. Пока он держал язык за зубами, оставалась хиленькая надежда, что все обернется иллюзией, буйной игрой остервеневшего рассудка, – и закончится, как только ему удастся вздохнуть всей грудью. Он знал, что лжет самому себе. Все происходит на самом деле.

И ничего тут не изменишь.

Она не оставляла его в покое, убеждала, упрашивала, и в

конце концов он сдался. Рассказал обо всем. О жизни, пошедшей обратно. О кинолентке, запущенной с конца. О реке, повернувшей вспять и несущей его назад, назад, назад, в темное царство, откуда вовек не выбраться.

– ...Я и оттуда драпанул. Прилетаю в Сент-Китс. Захожу в лавку... в сраную лавку для сраных туристов...

– И там была она, да? Как ее... Грета?

– Грэтхен.

– Она была там?

– Да.

– Боже мой! Майкл, ты совсем раскис. Это же форменная паранойя! Возьми себя в руки!

– Взять себя в руки?! Господи, чего бы я только не отдал, чтобы взять себя в руки. Невозможно! Глупо, безумно, но это дьявольщина! Знаешь, которые сутки я уже не сплю? Боюсь уснуть. Одному Богу известно, что тогда может случиться.

– Майкл, ты все нагромоздил в воображении. На самом деле ничего этого нет. Не будешь спать – совсем чокнешься.

– Нет... нет... Слушай... Слушай, я тут как-то запомнил... несколько лет назад... прочитал... – Он сорвался с дивана, нашел в мокрой нише бара и принес обратно под свет лампы «Чуму» Камю, изданную «Современной Библиотекой». Он долго и безуспешно ворошил страницы, наконец Кейт забрала у него томик и раскрыла наугад – как раз на нужном месте, потому что он много раз перечитывал этот

отрывок. И прочитала вслух отмеченное карандашом:

– «Если бы не усталость, притупившая чувства, всеобъемлющий запах смерти, наверное, сделал бы его сентиментальным. Но тому, кто спит четыре часа в сутки, не до сантиментов. Он видит вещи такими, каковы они в действительности, видит их в ярком свете справедливости – чудовищной, безмозглой справедливости». – Она закрыла книгу и посмотрела на него. – Так ты на самом деле в это веришь?

– На самом деле? Еще бы! Если б не верил, точно стал бы психом, за которого ты меня принимаешь. Да ты сама подумай. Смотри: ты здесь. Прошло двенадцать лет. Двенадцать лет и другая жизнь. И вот ты снова со мной, точно в свой черед. Перед тем как я встретил Грэтхен, ты была моей любовницей. Я знал, что на этот раз встречу тебя!

– Майкл, что бы ни происходило, давай не будем терять голову. Как ты мог это знать? Никак. Мы с Биллом развелись два года назад. Я и в город-то вернулась только на прошлой неделе. И само собой, захотела тебя повидать. Нам же с тобой есть о чем вспомнить, верно? Если б я тогда не встретила Билла, мы бы, наверное, так и...

– Черт возьми, Кейт, ты меня не слушаешь! Я пытаюсь объяснить: все, что со мной творится, – это страшное воздаяние по заслугам! Я качусь назад сквозь прошлое и встречаю всех моих женщин. Сейчас рядом со мной – ты, а раз пришла ты, значит, следующей должна быть Марси. И если я ее встречу, это будет означать, что после Марси... после

Марси... перед Марси была...

Ему не хватило сил произнести имя. Это сделала Кейт. Его лицо было белее мела. Они говорили о неммыслимом, невозможном, невообразимом...

– О, черт! Господи! Я псих... я псих...

– Ну что ты, Майк! Успокойся, Синди до тебя не доберется. Она же в сумасшедшем доме, правда?

Он кивнул. Он уже не мог говорить.

Кейт придвинулась к нему по дивану, обняла, привлекла к себе. Он дрожал.

– Все хорошо. Все будет хорошо.

Она хотела его покачать, как занедужившего ребенка, но в нем, точно электрический ток, струился ужас.

– Я тебя не дам в обиду, – пообещала Кейт. – Посижу рядом, и скоро все пройдет. Не будет никакой Марси, и уж само собой, не будет никакой Синди.

– Нет! – крикнул он, вырываясь. – Нет!

Спотыкаясь, Майкл подбежал к двери. Распахнул, выскочил в коридор. Бросился к лифту. Кабины на этаже нет – как и всякий раз, когда она отчаянно, до зарезу необходима!

Он сбежал по лестнице в вестибюль. У стеклянных дверей, плотно закрытых, чтобы не пускать в здание ветер и холод, стоял швейцар и глядел на улицу. Набычившись, прижимая руки к бокам, Майкл Кирксби проскочил мимо него. Швейцар что-то крикнул вдогон, но фраза потерялась в холоде и ветре.

Охваченный ужасом, Кирксби повернул и помчался по тротуару. За ближайшим углом – темнота, скорее туда, там его не найдут, там не опасно. Может быть, не опасно...

Он обогнул угол гостиницы и столкнулся с женщиной, она тоже шла с опущенной головой. Они отпрянули друг от друга, подняли головы и в размытом сиянии уличного фонаря посмотрели друг другу в лицо.

– Привет, – сказала Марси.